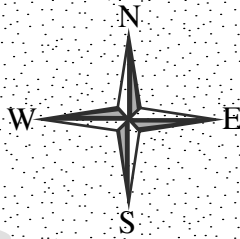

Джемайме, моей сестре

КАРТА

Legend:

- Воздушные рельсы
- Железная дорога
- Лес

За неоценимую помощь в создании этой книги я глубоко признателен Эмме Берчам, Марку Булду, Эндрю Батлеру, Мик Читэм, Диане Хоук, Саймону Кавана, Питеру Лейвери, Клодии Лайтфут, Фаре Мендельсон, Джеймайме Мьевиль, Джиллиан Редфирн, Максусу Шейферу, Крисусу Шлуну и Джесс Судальтер. Хочу выразить также бесконечную благодарность Нику Маматасу и Мехитобель Уилсон, а также всем сотрудникам «Макмиллан» и «Дель-Рей» за их работу.

И хотя я, как обычно, в долгу у бесчисленного множества писателей, за эту книгу я в особенности благодарю Уильяма Дербина, Джона Ила, Джейн Гаскелл, Зейна Грея, Сембина Османа, Тима Пауэрса, Т. Ф. Поуиса и Фрэнка Спирмана.

*Воздвигнуть бегающие и странствующие памятники
на площадях поездов.*

Велимир Хлебников.
«Предложения»

Давным-давно мужчины и женщины проложили железную дорогу через дикие земли, протащив за собой историю. Они неподвижны, их рты разинуты в боевом кличе. Они в неровностях дороги и в скальных расщелинах, в лесах, в кустарниках, в тенях кирпичных стен. Они в вечном приближении.

Еще раньше кто-то взобрался на гранитный уступ — на протянутый кулак горы. Густая пена леса застыла на ее вершине. Человек стоит над зеленым миром, где копошится пернатая и мохнатая фауна, — и не обращает на него внимания.

Вверх, мимо колонн из батолита¹, ведет проложенная им тропа, вдоль которой разбит палаточный лагерь. Между палаток движутся люди и горят костры, младшие братья пожаров, оплодотворяющих лесную почву.

Тот человек стоит один, на ветру, который вечно пронизывает давно минувший миг, так что от холода дыхание каплями оседает на его бороде. Он справляется с показаниями медлительного столбика ртути в стеклянном сосуде, барометра и измерительного шнура. Он определяет, как высоко над брюхом земли и как далеко в горную осень забрался он сам и те, кого он привел с собой.

Они поднялись. Шагая друг за другом, они едва преодолели гравитацию, по веревкам влезая за пазухи карнизов и песчаниковых стен. Рабы своего снаряжения, они, как

¹ Батолит — крупный массив гранитоидных горных пород, залегающий среди осадочных толщ складчатых областей земной коры. (Здесь и далее прим. перев.)

последние глупцы, притащили с одного конца света на другой разные странные штуки из меди, дерева и стекла.

Тот человек вдыхает давно прошедший миг, слушает, как кашляют горные звери и шумно борются деревья. Находя ущелья, он опускает в них лот, чтобы упорядочить их и тем самым познать, наносит на карту и дает названия своим рисункам, изучает длину и ширину почти-равнин или ледниковых впадин, каньонов, высохших русел, рек и поросших папоротником пампасов, делая их прекрасными. Там же, где сосны и ясени отступают, открывая изогнутое ложе дороги, он чувствует, что земля унизила его.

Мороз заберет у него шестерых спутников и оставит их, белых и застывших, лежать в вырытых наспах могилах. Гитвинги окропят экспедицию кровью, медведи и тенебры возьмут с нее дань, люди будут падать духом и сбиваться с пути в темноте, мулы будут дохнуть, раскопки пойдут прахом, кто-то утонет, кого-то убьют коварные туземцы, но это все потом. А пока человек стоит над деревьями. На западе путь ему преградят горы, но до них еще много миль.

Только ветер говорит с ним, но он знает, что над ним смеются и его уважают. Само его появление вызывает споры. На холмах его родного города в семьях начинается вражда, когда речь заходит о его подвигах. Одни говорят, что их устами глаголют боги, а его называют гордецом. Само его существование есть вызов миру, а его планы и пути отвратительны.

Человек смотрит, как ночь вступает в свои права. (До полной темноты еще далеко.) Он смотрит, как сгущаются тени, и, пока из лагеря не долетит стук оловянных ложек и запах жареной змеи, приготовленной на ужин, он будет наедине с горами, ночью и книгами, в которых перечислено все, что он увидел, указаны размеры равнодушных вершин и масштабы его желаний.

Он улыбается, и в этой улыбке нет ни пресыщения, ни самодовольства, ни коварства, — есть только радость, ибо человек знает, что замыслы его священны.

ЧАСТЬ I

•
Ловушки

Человек бежит. Преодолеывает древесно-лиственные стены, бессмысленные пространства Строевого леса. Деревья обступают его со всех сторон.

Лес все еще полон первобытных звуков. Лиственный полог раскачивается. Человек тяжело нагружен, он потеет, хотя солнца не видно за кронами. Он старается не потерять след.

Уже перед закатом он нашел нужное место. Плохо видные тропинки, проложенные всадниками-хотчи, вывели его к водоему, по берегам которого торчали из земли камни и корни. Деревья отступили. Утоптанную, обугленную землю заливала кровь. Человек распаковал мешок, расстелил одеяло, вытащил одежду и несколько книг. Затем положил какой-то тяжелый, туго запеленатый сверток на глинистую землю, где бегали многоножки.

В Строевом лесу похолодало. Человек развел костер, и тьма тут же окружила его плотным кольцом, но он не отрывал от нее глаз, как будто надеялся увидеть что-то важное. Звуки стали громче. Он слышал кашляющий крик ночной птицы, слышал, как дышит и возится невидимый хищник. Человек был настороже. У него были винтовка и пистолет, и он всегда держал наготове одно или другое.

Костер горел, время шло. Сон то накатывал на человека, то отпуская его. Просыпаясь, он каждый раз фыркал, точно выныривал из воды. Он был несчастен. Злость и печаль сменяли друг друга на его лице.

— Я приду и найду тебя, — повторял он.

Он не заметил, как настал рассвет: время просто скакнуло вперед, и деревья снова стали видны. Двигался человек скованно, точно его конечности были прутиками, отсыревшими от росы. Жуя вяленое мясо, он мерил шагами впадину и вслушивался в шорохи леса.

Услышав наконец голоса, он растянулся на берегу и стал вглядываться в просветы между деревьями. По тропинкам, покрытым гниющей листвой и лесным мусором, к нему приближались трое. Человек следил за ними, вскинув винтовку. Когда узкие клинья солнечного света вырвали их из темноты, он разглядел их, и ствол его винтовки опустился.

— Сюда! — закричал он.

Те бестолково завертели головами, ища его. Человек поднял руку над краем впадины.

Их было трое — женщина и двое мужчин, чьи одеяния еще меньше подходили для прогулок по Строевому лесу, чем его собственный. Они улыбались, стоя перед ним на песке.

— Каттер!

Рукопожатия, похлопывания по спине.

— Вас за версту слышно. А что, если за вами следят? Еще кто-нибудь придет?

Они не знали.

— Мы получили от тебя известие, — сказал мужчина, тот, что был пониже. Он говорил быстро и озирался. — Я пошел и увидел. Мы спорили. Другие говорили... ну... это, что мы должны остаться. В общем, ты знаешь.

— Да, Дрей. Они говорили, что я спятил.

— Нет, не *ты*.

Они не глядели ему в лицо. Женщина села, часто и тревожно дыша, грызя ногти; ветер раздувал ее юбку.

— Спасибо. За то, что пришли.

Они кивали или пожимали плечами, словно стряхивая с себя благодарность Каттера: ему самому было странно слышать эти слова, и он знал, что им тоже. Он постарался, чтобы голос его звучал не так насмешливо, как обычно.

— Для меня это важно.

Они сидели в яме и скрашивали ожидание, рисуя на земле палочками или вырезая фигурки из мертвого дерева. Им очень многое надо было друг другу сказать.

— Значит, вас отговаривали?

Женщина, Элси, объяснила: не то чтобы отговаривали, просто Союз не обратил внимания на призыв Каттера. Говоря это, она подняла на него глаза и тут же отвела снова. Каттер кивнул, не став возражать.

— Вы уверены? — спросил он, но бессвязные кивки новоприбывших его не удовлетворили. — Черт побери, уверены или нет? Вы готовы порвать с Союзом? Да или нет? Ради него? У нас впереди долгий путь.

— Мы и так уже сколько миль по Строевому лесу отшагали, — сказал Помрой.

— А пройти надо еще сотни. *Сотни миль*. Это будет дьявольски тяжело. И долго. Я не могу обещать, что мы вернемся.

Не могу обещать, что мы вернемся.

— Ты лучше повтори нам, что твое известие — правда, — сказал Помрой. — Скажи, что он ушел, и куда, и зачем. Скажи, что это правда.

Здоровяк ел Каттера глазами и ждал, а когда тот коротко кивнул и опустил веки, произнес:

— Ну вот.

Позже пришли другие. Сначала еще одна женщина, Игона; пока они приветствовали ее, в лесу под тяжелыми прыжками затрещали ветки, и из кустов показался водяной. Он присел на корточки по-лягушачьи, согласно обы-

чаю своего народа, и поднял перепончатые лапы. Когда водяной прыгнул с берега в воду, его жирное тело без шеи студенисто задрожало. Уставший Фейхечриллен был весь в грязи, его способ передвижения мало подходил для леса.

Собравшиеся волновались, не зная, как долго им нужно оставаться на месте и сколько людей еще придут. Каттер спрашивал, как они получили его послание. Это печалило их. Им не хотелось опять обдумывать свое решение пойти с Каттером: слишком многие сочли бы их уход предательством.

— Он будет благодарен, — сказал Каттер. — Он странный тип, так что, может быть, он не подаст и виду, но это будет много значить для меня и для него.

Помолчав немного, Элси сказала:

— Ты этого не знаешь. Он ведь ни о чем нас не просил, Каттер. Просто он получил какое-то известие, ты так сказал. Может, он рассердится, когда мы его найдем.

Каттер не мог сказать ей, что она ошибается. Вместо этого он начал:

— И все же я не хочу, чтобы вы уходили. Ведь мы здесь ради нас самих, а не только ради него.

Он говорил о том, что впереди, преувеличивая опасности. Казалось, он хотел убедить их остаться, хотя все знали, что это не так. Ответил Дрей — торопливо и резко. Они все понимают, заверил он Каттера. Каттер понял, что Дрей убеждает самого себя, и замолк. Тот несколько раз повторил, что для него все решено.

— Нам лучше пойти, — сказала Элси, когда кончился день. — Нельзя ведь ждать вечно. Если другие хотели прийти, они, видимо, заблудились. Придется им вернуться в Союз и делать что понадобится в городе.

Тут кто-то вскрикнул, и все обернулись.

На краю ямы, растопырив ноги, сидел верхом на пестухе наездник-хотчи и смотрел на них. Крупная боевая птица распушила грудные перья и забавно подняла ког-

тистую лапу со шпорой. Хотчи, приземистый и крепкий человекоёж, поглаживал красный гребень своего скакуна.

— Милиция близко. — Он говорил с сильным гортанным акцентом. — Идут двое, будут через минуту-две.

Наклонившись в расшитом седле, он повернул свою птицу назад. Почти бесшумно — вся упряжь на нем была из кожи и дерева — воинственный острошпорый петух побежал прочь и скрылся в лесу.

— Что это?..

— Кто?..

— Черт побери, ты видел?..

Но звук приближающихся шагов заставил Каттера и его спутников умолкнуть. Они испуганно переглядывались: прятаться было поздно.

В лесу показались двое — они шли, переступая через замшелые пни. Оба были в масках и серой форме милиции. Каждый нес зеркальный щит, на поясе болтался неуклюжий многоствольный револьвер. Шагнув из леса на прогалину, они как будто споткнулись и замерли, пытаясь понять, что за люди их поджидают.

Мгновение тянулось, но никто не двигался с места, сбитые с толку путешественники словно спрашивали друг друга взглядами: «А мы? А они? Что нам делать? Что делать?» — пока не раздался выстрел. И тут словно прорвало: пальба и крики понеслись со всех сторон. Падали люди. Каттер не мог понять, где кто, и страшно боялся: вдруг его уже подстрелили, а он еще не почувствовал. Он разжал сведенные челюсти, лишь когда смолкло мерзкое отрывистое тарахтенье выстрелов.

— Боги долбаные! — кричал кто-то.

Это оказался милиционер: он сидел на земле рядом со своим мертвым другом и, зажимая кровотокающую рану в животе, пытался навести тяжелый пистолет. Каттер услышал короткое гудение тетивы. Милиционер со стрелой в груди откинулся назад и замолчал.